

Славяноведение, 2025, № 2, с. 19–33
Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2025, No. 2, pp. 19–33

DOI: 10.31857/S0869544X25020027, EDN: IZMNLU

Оригинальная статья / Original Article

«Гнев Божий» в гуситской идеологии

© 2025 г. Н.Н. Наумов

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
(Москва, Российская федерация)

nn-naumov@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрено восприятие и применение гуситами в 1420-х годах христианской категории «гнева Божьего». В этой связи были установлены следующие черты гуситской идеологии: 1) «милитаризация» образа «гнева Божьего» (его отождествление с военными поражениями) и политизация его узуса; 2) восприятие гнева Божьего в качестве блага, которое предназначено для исправления грешников; 3) восприятие частью гуситов (таборитскими радикалами-фундаменталистами) «гнева Божьего» в качестве правообязанности убийства грешников в ходе войны за Бога и Его закон. В заключительной части было установлено, что эти же черты до определенной степени были присущи и мировоззрению Эберхарда Виндеке – традиционного католика из немецких земель Империи, враждебно настроенного по отношению к гуситам. Это позволяет релятивизировать ту принципиальную дилемму «гусит» vs «католик», которая устоялась в гуситологии XIX–XX вв.

Ключевые слова: Гуситские войны, гуситы и католики, пикарты, табориты, пражские гуситы, Эберхард Виндеке, Чешское королевство, XV век.

Ссылка для цитирования: Наумов Н.Н. «Гнев Божий» в гуситской идеологии // Славяноведение. 2025. № 2. С. 19–33. DOI: 10.31857/S0869544X25020027, EDN: IZMNLU

«God's Fury» in the Hussite Ideology

© 2025. Nikolay N. Naumov

Lomonosov Moscow State University
(Moscow, Russian Federation)

nn-naumov@mail.ru

Abstract. The paper examines how did the Hussites perceive and use the Christian notion of God's fury in the 1420s. As far as this question is concerned the following features of the Hussite ideology have been shown in the main part of the paper: 1) the image of «God's fury» was «militarized» by the Hussites who equated it to a military defeat and politicized its usage; 2) «God's fury» was perceived as a good thing that was intended to correct the sinners; 3) a part of the Hussites (the Taborite extreme fundamentalists) perceived «God's fury» both as a right and an obligation to kill the sinners during the fight for God and God's law. In the final part of the paper these features of

the Hussite ideology are compared with the worldview of Eberhard Windecke who belonged to the traditional Catholic faith and had a hostile attitude towards the Hussites. This result allows to relativize the antagonistic opposition Hussites vs. Catholics that took root in the hussitology in the 19th – 20th century.

Keywords: the Hussite wars, Hussites and Catholics, Pikarts, Taborites, the Prague Hussites, Eberhard Windecke, the Kingdom of Bohemia, the 15th century.

For citation: Nikolay N. Naumov. «God's Fury» in the Hussite Ideology // Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences. = Slavyanovedenie. 2025. No. 2. P. 19–33. DOI: 10.31857/S0869544X25020027, EDN: IZMNLU

В фокусе статьи находится восприятие и применение чешскими утраквистами (гуситами) христианской категории гнева Божьего в сопоставлении с представлениями представителя противоположного лагеря – майнцского бургера Эберхарда Виндеке, верного как традиционному католицизму, так и своему сеньору Сигизмунду Люксембургскому, чьи поручения он исполнял и чьей законной власти над Чехией гуситы долго противились. Представляется важным продолжить курс на отход от классической интерпретации Гуситских войн (1420–1436) в качестве антагонизма гуситов и католиков, заданный Ф. Зайбом: тот подчеркивал, что гуситская революция проходила «в рамках мира латинской культуры»¹. Недавно чешский историк П. Чорней поставил справедливый вопрос: правильно говорить о «гуситской культуре», либо же о «культуре гуситской эпохи» [Сорнеч 2011]? Ясно, что термин «гуситская культура» стремится обособить ее носителей от тех, кто – как и сами гуситы того времени – причислял себя к настоящим католикам².

Библейский топос «гнева Божьего» занимал в сознании гуситов важнейшее место в связи с распространением веры в приближение Апокалипсиса. Это неудивительно, ведь сами слухи о приходе законного короля Сигизмунда во главе огромного разноплеменного войска, с правом на войну с «еретиками», данным папской буллой 1 марта 1420 г. (гуситы говорили о «кровавом кресте», который Сигизмунд получил от папы), тогдашнее религиозное сознание неизбежно соотнесло бы с предсказанием Иоанна Богослова о последней войне, которая разразится в «день гнева» или «воздаяния» (лат. *dies irae / ultionis*) – войне наместника сатаны, Зверя и лжепророка с Божими праведниками (Откр. 13).

¹ Ф. Зайб отверг устоявшийся термин «гуситская буря» (нем. *Hussitensturm*), напоминающий по своей форме «монгольскую бурю» (нем. *Mongolensturm*, т.е. нашествие монголов): «Эти термины вешают на оба исторических явления клеймо природной катастрофы, представляя их в качестве вторжения извне нашей культуры», – заявил Ф. Зайб [Seibt 1991, 29]. Следует заметить, что противопоставление гуситства католицизму характерно и для русской историографии XIX в., предполагавшей православные корни чешского утраквизма [Лаптева 2014, 22–23].

² Через четыре года после статьи П. Чорнега (она вышла впервые в 1999 г.) схожий термин («культура гуситской Чехии») был применен Г.П. Мельниковым, емко ухватившим самую сущность эпохи, обозначив ее как «философско-богословские споры в университетской среде, которые постепенно [...] захватили все общество, вовлекли его в процесс переосмысливания традиционных устоев». Тем не менее, антитеза «чехи–гуситы vs католики», унаследованная от XIX в. (ср. слова Ф. Палацкого: «католицизм и чехизм как таковой являются противоположностями») – на мой взгляд, ошибочная – свойственна и Георгию Павловичу, пишущему об «отходе гуситов от католической церкви» и об «оставшихся католиками чехах» (противниках гуситов) [Мельников 2003, 331, 336, 340]. Гуситы в 1420–1436 гг. не думали становиться раскольниками. Напротив: они боролись за единство Церкви и всеми путями (в том числе –войной) хотели привести остальных к неотступному следованию «Божиим правдам» – именно так они называли собственную программу церковной реформы.

Именно в «Откровении» должны были черпать силу и надежду гуситские воины, заклейменные в качестве еретиков и сжигаемые на кострах — и спрашивающие себя: на всех ли разгневался Бог? Не только на дьявола и его слуг, которые падут, но и на своих погибающих праведников? Уже в 1540 г. при ретроспективном осмыслении конфликта гуситы представляли себя в качестве не жертв, но реализаторов «гнева Божьего». Неконкретизированный образ гнева трансформируется в образ бича Господня, которому уподоблен их выдающийся полководец — Ян Жижка: «И подобно тому, как те, кто стал истоком смерти Даниила, либо же — зла, проистекшего из зависти к Иосифу, претерпел много зла как по отношению к себе самим, так и к своему имуществу, так и враги тех (утраквистов XV в. — Н.Н.) пострадали от Жижки, который был **бичом Божиим**, как видно по разрушенным монастырям: ведь Господь Бог не оставил без отмщения кривду, возведенную на Его святых»,³ — гласит одна из утраквистских проповедей 1540 г. [Novotný 1925, 84].

Рыцарь Ян Жижка из Троцнова был одним из четырех гетманов, избранных Таборской общиной гуситов в 1420 г. Г. Камински отнес его к «таборитской партии порядка» на том основании, что Жижка в 1423 г. искоренил секту пикартов, примыкавшую к таборитам⁴. Пикарты во главе с проповедником Мартином Гуской верили в то, что конец света уже наступил [Kaminsky 1967, 35, 418]. Верил ли в это и Жижка? Представлял ли он сам себя в качестве «бича Божьего»? П. Чорней привел однозначные аргументы в пользу того, что Жижка в этом вопросе был солидарен с пикартами, которых уничтожил: скорый Божий суд проповедовал его ближайший соратник Вацлав Коранда, а решительность Жижки в искоренении вообще всех грехов объясняется не его особым фанатизмом (Ф. Палацкий), либо же психическими отклонениями (Й. Пекарж), но «определенной чертой тогдашней ментальности — разожженным религиозным чувством» [Cornej 2019, 186, 198, 593]. С подобной мыслью согласился бы и В. Новотный, который утверждал, что гуситы 1420-х годов были охвачены не идеей мести за что-либо (например, за казнь Яна Гуса и Иеронима Пражского, которых утраквистская церковь XVI в. почитала в качестве святых, см. выше текст 1540 г.), но идеей Божьего воздаяния, т.е. идеей библейской, которая не имеет ничего общего с чисто мирским понятием мести [Novotný 1925, 82–83]. Чтобы разобраться с этим вопросом, необходимо обратиться к особенностям гуситского восприятия категории «гнева Божьего».

Милитаризация и политизация понятия. В чешских проповедях конца XIV — начала XV в. понятие «гнева Божьего» встречается в следующих контекстах:

1. Бог как отец, разгневанный на своих детей и слуг:

1.1. «Хоть ты Его и **разгневал**, и слишком сильно, и **гневил** ты Его слишком долго, возвратись к Нему, Он — милостив; и поскольку Он — отец, то легко найдешь милость у Него» (Томаш Штитный)⁵.

1.2. «От этих добродетелей (осторожность, справедливость, скромность в еде и пище, а также мужество. — Н.Н.) зависят все остальные: в них сын

³ «Et sicut qui mortis Danielis vel mali ex invidia Jozeph fuerunt origo, multa mala passi sunt tam in se, tam in suis rebus, sic inimici illorum per Zyzkam, qui fuit flagellum dei, ut patet na zborzenych klassterzych: nenechálf' pan buoh krzywdy swatych swych bez pomsty».

⁴ Воззрения пикартов Я. Седлак определил следующим образом: «Пикарство — это учение, которое отрицает действительное присутствие Христа в алтарном таинстве, и [...] потому обличает как идолопоклонство любое преклонение перед алтарным таинством» [Sedlák 1918, 2].

⁵ «Ačs jej rozhněval a přeliš velmi, a hněvals jej přeliš dlúho, navrať se k němu, milostivý jest; a když jest otec, snadně u něho nalezeň milost». Tomáš Štítný, Knížky šestery, 17.

Божий, святой человек, приступая к служению Божьему, должен пребывать в боязни Божьей, боясь, словно возлюбленный сын, чтобы отца не разгневать» (Ян Гус)⁶.

1.3. «Если бы Его любимейшие гоши (ласковое обращение к слугам. — Н.Н.) претерпели столько, что от голода ослабли и возроптали, либо пришли к каким-либо иным господам, отдавая себя в услугение и рабскую службу за хлеб — даже и к врагу своего Господина и Отца, который на них набрасывался бы с лестью и порабощал для себя, то сколь великая печаль охватила бы Хозяина и сколь скорый гнев против тех, кто поспособствовал этой измене в Его челяди!» (Матей из Янова)⁷.

2. Бог как гневающийся судья и государь:

2.1. «Бог поставил Себя судьей неотступным, **гневливым мстителем** и господином наказания, чтобы каждое воздаяние лишь от Него исходило, в соответствии с написанным: “Бога бойся, но кроме Него не бойся ничего”» (Матей из Янова)⁸.

2.2. «И не зря Спаситель Милостивый так часто напоминал — и Его апостолы тоже — о Судном дне, который будет страшен: ведь над нами будет Страшный Судья, **Гневный** на злых; под нами — Страшный ад, горящий вечным огнем; по правую руку — все грехи обвиняющие, по левую — множество бесов, в Ад тянувших» (Ян Гус)⁹.

2.3. «И потому когда мы просим, чтобы настало Его Царство, то ничего иного не просим, кроме как, чтобы каждый так порядочно жил, как если бы был в Царстве Божьем: любя своего Бога более всего, не только боясь разгневать Его как Господина — за наказание, но почитая Его истинной любовью в качестве Отца и ставя Его выше всякого создания» (Томаш Штитный)¹⁰.

В конце XIV — начале XV в. Томаш Штитный, Матей из Янова и Ян Гус обращали проповеди к безликой массе мирян, каждый из которых — как чей-либо сын и как вассал короля Вацлава IV — побуждался к тому, чтобы перенести свой сыновий и вассальный страх на свое отношение к Богу (понятно, что конечной целью такой модели проповеди была дисциплинаризация мирян в соответствии с христианскими нравами). В иной ситуации оказались проповедники периода Гуситских войн, поскольку главным адресатом их проповеди стали воины и их предводители. Это неслучайно: неоднократно традиционные

⁶ «Čtvrtá statečnost, již člověk ve všech prvních ctnostech pevně sě drží, že by raděj jako statečný rytieř uměl, než by hanebně od ctnosti pobehl. Aj na těch ctnostech záleží všechny jiné, a v nichž syn boží, člověk svatý, přistupiv k službě boží, má státi v **bázni boží**, boje se jako milý syn, aby otcě nerozhněval». *Jan Hus. Sebrané spisy české*, 349.

⁷ «by jeho nejmilejší hoši byli doháněni k tomu, že by hlady slábli a reptali nebo přecházeli k nějakým jiným pánum, dávajíce se v poddánství a v otrockou službu pro chléb, a to dokonce snad k nepříteli svého pána a otce, který by jim lichotivě nadbíhal a takto je pro hlad lapal v otrockou službu u něho, jak veliký zármutek by pojal hospodáře a jak prudký hněv proti těm, kteří by byli způsobili v jeho čeledi tento rozvrat!». *Matěj z Janova. Výbor z Pravidel Starého*, 121.

⁸ «Dal se na přísného soudce, hněvivého mstitele a pána trestů, aby každá odplata záležela jen na něm, jak psáno: “Boha se boj, kromě něho však se neboj ničeho”». *Ibid.*, 65.

⁹ «A nedarmo spasitel milostivý tak často napomíнал jest i jeho apoštоловé o súdném dni, kterak bude hrozný; neb nad námi bude súdcé hrozný, hněviv zlým; pod námi hrozné peklo, hořícé ohněm věčným; na pravici všichni hřečové žalujíce, na levici d'abluo množstvie do pekla táhnúce». *Jan Hus. Sebrané spisy české*, 21.

¹⁰ «A protož když prosíme, aby jeho království přišlo, co jiného prosíme, jen aby každý tak byl živ poředně, jakož by byl v království božiem: svého Boha miluje nade vše, netolik boje se jeho rozhněvati, jako pána, pro pokutu; ale ctě jej z práv milosti jako otce, a vážě jej nade vše stvořenie». *Tomáš Štítný. Knížky šestery*, 49.

католики становились утраквистами *et vice versa*, что существенно влияло на расстановку сил, но еще более важно, что в рамках ожесточенной теологико-политической полемики среди утраквистов именно от воинов зависело, которая из гуситских сект станет преобладающей. Пикарт Мартин Гуска пытался переманить тaborитских воинов следующими словами: «Ох, братья! Знайте, что вы многое придерживаетесь ложно и священниками вы сильно обмануты, а особенно – в трех вещах: крещение, тело Божье и священническая проповедь – так что никакая из этих трех вещей не совершается так, как установил Христос. Вы, которые искоренили много зла: дай Бог, чтобы вы и это зло прикончили. Если не признаете этого, то знайте, что в гнев Божий впадете. И уже гнев Божий против вас проявляется, в один момент многих из вас поразили на разных местах. Дай Бог, чтобы вы поняли, почему так происходит. Гнев Божий не отступит от вас, пока вы от ошибок не отступите, а если сделаете это, то увидите, как Божьи дела в ваших руках будут расти»¹¹. Это письмо Гуска написал, находясь в заключении у тaborитов, куда попал 29 января 1421 г. (в том же году 21 августа он был сожжен). В качестве серии их единовременных поражений «на многих местах» могли подразумеваться: 1) январская битва у монастыря Пршелоуч, в ходе которой католические паны Микулаш Дивучек из Йемниште и Ян Местецкий из Опочна захватили и предали казни 125 воинов во главе со священником Валентином; 2) захват Хотеборжи этими же полководцами в феврале 1421 г., в результате чего погиб основатель Табора – священник Петр Громадка из Истебнице, руководивший обороной [Šmahel 1993, 67]. Эти поражения прервали череду успехов, одержанных тaborитами в 1420 г. Мартин Гуска не зря имел прозвище *«Loquis»*, которое можно перевести как «Красноречивый»¹²: он определенно знал и как похвалить предшествующие «заслуги» тaborитов в сражении за Бога и Его закон (сожжение монастырей, иконоборчество и проч.), и как представить признание пикартского учения о реманенции (т.е. догмата о сохранении материальной природы хлеба и вина в освященном Причастии) в качестве дальнейшего шага, о необходимости которого говорят внезапные военные неудачи.

В словах Гуски имеет место не только милитаризация образа (проявление «гнева Божьего» видится прежде всего в военных неудачах), но и его явная политизация: причину Божьего гнева на тaborитов пикарт увидел в том, что они слушаются не тех священников. Схожим образом поступил и пражанин Вавржинец из Бржезовой, когда комментировал ход войны: 1) «Верные проповедники восклицали во всех церквях, что Господь Всемогущий Своим справедливым судом дозволил, чтобы нас постиг этот удар (поражение пражан у Моста 5 августа 1421 г. – Н.Н.). Когда мы вначале сражались для защиты Его святейшей истины в единодушии и смирении, тогда все тотчас же с Божьей помощью в нашу пользу складывалось. Теперь же, наши братья предались дурному состоянию духа, сражаясь не за истину, но за добычу, немилосердно отнимая имущество бедных и убивая близких своих более жестоко, чем язычники.

¹¹ «O bratřie, vězte, že mnoho držíte neprávě a od kněží velmi ste zklamání a zvláště na třech kusech, o křtu, o tělu božiem a o kázání kněžském, žeť to tré nic se neděje tak, jakož jest ustavil Christus. Vy, jenž jste již zlého mnoho skazili, bohdej byše i to zlé dokazili. Nepoznáte-li toho, vězte, že v hněv boží upadnete. A již se hněv boží na vás zjevuje, mnoho vás v chvíli malé porazili na rozličných miestech, bohdaj byše tomu zrozuměli, proč se to děje. Hněv boží tot vás neodstúpí, leč vy ot bluduov oststúpite, a učiníťeli to, shledáte, jak diela boží budú v rukú vašich ruostí». *Vavřinec z Březové. Kronika husitská*, 327–534 (здесь с. 495).

¹² Ср. значение термина *«loquacitas»* в словаре дю Канжа (*«eloquentia, facundia»*) [Glossarium. T. 5, col. 141]. Тем не менее, устоялся иной перевод – «Болтун» (чеш. *mluvka*) [Šmahel 1993, 72].

Разгневался на нас Господь и дозволил, чтобы нас побили»¹³; 2) «Но прежде чем король Сигизмунд прискакал из Венгрии, где тогда находился, к их войску (войску имперских князей, собравшемуся под Жатцем 19 сентября 1421 г. — Н.Н.), плач, вопль и рыданье жен, девиц и вдов достигли ушей Господа Иисуса — и гнев Божий, и справедливое возмездие обрушилось на вражеское войско: ведь чудесным образом Бог Всемогущий обратил в бегство столь огромное войско, на которое никто не нападал»¹⁴. Как и Гуска, Вавржинец представлял военные поражения в качестве гнева Божьего с той разницей, что при этом он наставлял воинов-пражан в духе Четвертой Пражской статьи, приравнявшей любой грех к преступлению.

Гуситы 1420-х годов не отделяли свой политический, «мирской» быт от посторонней сферы, усматривая в его малейших поворотах Божественное вмешательство. Логично и обратное: размышая о Божьем суде, они представляли себе его через реалии собственного времени. Явным примером этого является ход рассуждений, который воспроизвел Петр Хельчицкий, приписав его неким «апостолам Антихриста». Он утверждал, что именно они укоренили в мирянах (дословно «в народе» (ст.-чеш. *lid*)) культа святых, в то время как Бог обязал людей молиться Ему Одному. По П. Хельчицкому, апостолы объявили, что Бог гневается на мирян за грехи, а потому не услышит той молитвы, которую произнесут эти грешники; другое дело — молитва от их святого заступника. Петр завершает изложение так: «И потому перед людьми апостолы преподнесли святых в медовом соусе, расхваливая этих святых перед ними, а именно: что святые — милостивы и заботливы о грешных, ходатайствуют за тех, кто кладет им святую жертву на алтарь. И из такой разжигающей похоть молитвы “Отче наш” грешный народ разумеет, что святые усмиряют Бога так, **как бургграфы и маршалы** укрошают жестокого короля, жестоким гневом ополчившегося на обвиненного человека. Грешный народ имеет вот такое ошибочное представление о Боге и святых, как о телесном жестоком короле, а также что святые принимают дары и богослужения от грешных, выступают за них усердно с оправданиями, укрошают гнев Божий против них»¹⁵. Табориты (а вместе с ними и Петр Хельчицкий, чья близость к ним в англоязычной гуситологии неоднократно подчеркивалась [Kaminsky 1967, 394; Brock 1972, 33; Fudge 2019, 99]) отвергали культа святых как таковой, говоря: «Что — Петр или Павел, или всякий иной из святых? Разве они не были людьми, как и мы — спасенными помостью

¹³ «Fideles enim predicatores per omnes clamant ecclesias dicentes, quia deus omnipotens iusto suo iudicio hanc plagam super nos venire permisit. Cum enim in principio pro defensa sue sanctissime veritatis per compassionem et humilitatem pugnaremus, omnia ad nutum prospere auxiliante deo nobis veniebant; nunc autem, cum fratres nostri dati sunt in reprobum sensum non pro veritate quidem, sed pro spoliis pugnantes, pauperum facultates inimisericorditer rapientes et crudelius quam gentes proximos interficienes, indignatus est nobis dominus et plagare nos permisit». *Vavřinec z Březové. Kronika husitská*, 508.

¹⁴ «Sed antequam rex Sigismundus de Ungaria, ubi pro tunc erat, ad eorum exercitum properaret, fletus, clamor ac ululatus mulierum, virginum et viduarum in aures domini Jesu ascendit et ira dei ac iusta vindicta in totum supervenit exercitum inimicorum. Nam miro modo tam inhumana gentem nullo homine impugnante deus omnipotens in fugam convertit». *Ibid.*, 513.

¹⁵ «protož svaté sú jim v jíjce medové připravili, bez miery jim je schválivše, že sú milostivi a pilni sú hřiešných, přimlúvajíce se za ně, [ktož] jim svatú obět položie na oltář. A z toho páteře pochotného lid hřiešný za to má, že svatí Boha ukrotí, jakožto purkrabie a maršálci krále ukrutného s hněvy ukrutnými krotí proti člověku obžalovanému, – taková domněnie bludná majíce o Bohu i o svatých jako o králi tělesném ukrutném, a že svatí, přijmíuce dary a služby od hřiešných, i stojíce s přimluvami snažně za hřiešné, krotíce hněv boží proti nim». *Petr Chelčický. Síť víry*, 377–378. По всей видимости, П. Хельчицкий увидел в таком приравнивании Града Небесного граду земному лжетолкование строки из молитвы «Отче наш»: «Да будет воля Твоя и на земле, как на небе» (т.е. и на небе, как на земле).

Единственного Бога и возвзванием к Нему безо всякого возвзвания к святым, либо же их посредничества?»¹⁶. Тем самым, Хельчицкий явно воспроизвел ту логику рассуждений, которую слышал от своих оппонентов: от тех, кто – как пражский гусит Вавржинец из Бржезовой – видел здесь таборитскую ересь. Главное место в этой логике занимает представление о святых как о Божьих бургграфах и маршалах – уникальное, получающее объяснение в тогдашнем событийном контексте, ведь в качестве заступника за утраквистов перед королем Сигизмундом в 1420 г. выступил бургграф пражский Ченек из Вартенберка – высшее должностное лицо, предводитель сословий королевства. Зимой 1420 г. во Вратиславе ему это не удалось, после чего в апреле 1420 г. Ченек во главе сословий издал манифест с призывом неподчинения Сигизмунду с явной целью политического давления на пока еще не коронованного монарха. В июне – июле 1420 г. в осадном лагере под Прагой давление увенчалось успехом: чешские паны убедили Сигизмунда распустить войско, снять осаду Праги и положиться на их переговоры с пражанами [Наумов 2023, 354–374]. Возможно, что рассуждение о бургграфах Хельчицкий почерпнул из диспута с кем-то из утраквистских клириков, которым покровительствовал Ченек: известно, что в 1417 г. пражский бургграф похитил титулярного епископа Никопольского Германа фон Миндельгейма, увез его в свой замок Липница-над-Сазавой и принудил рукоположить значительное число священников-утраквистов [Fudge 2023].

«Гнев Божий» как благо. В 1421 г. пражский магистр Якоубек из Стршибра составил «Толкование Откровения св. Иоанна», в котором вот так написал о пролитии ангелом чаши гнева Божьего (Откр. 16): «Теперь гнев Господень разлит на всех, т.е. на священников, на магистров, на крестьян, на горожан»¹⁷. Далее Якоубек уточнил: пролитие чаши гнева нанесло рану лишь тем, кто почитает Антихриста, «ибо добрый ангел изливает гнев Божий для исправления, но люди чувствуют иную рану, нанесенную злым ангелом, который ранит душу, поскольку они ропщут на Бога и своих ближних»¹⁸. Далее Якоубек перечислил людские грехи, делая особый акцент на том, что рану ощущают «нежелающие верить правде» (ст.-чеш. *nechtíce věřiti pravdě*). Выделенная мысль не могла возникнуть в мирное время: тогда клир лишь пугал нерадивых гневом Божиим, чтобы те заранее исправились. В первом отрывке Якоубек подчеркнул, что гнев выпил на всех, а не только на воинов: думается, что здесь он подразумевал то тяжелое чувство, какое ощущает каждый во время войны, разгоревшейся в границах одного государства и одной церкви: одни чехи убивают других и оплачивают их (см. манифест пражан, изданный 5 ноября 1420 г. после битвы под Вышеградом). Католики-утраквисты силой навязывают свой обряд остальным католикам, требуя под угрозой изгнания из королевства, «чтобы священники вместе служили, и весь христианский народ вместе к мессе ходил бы» (см. петицию чешских сословий Сигизмунду 1419 г.) – и получают насилие в ответ. Во втором отрывке Якоубек уточнил: рана Господнего гнева – не на всех, но на тех, кто почитает Антихриста. Пражский воин, который мог слушать эту

¹⁶ «quid Petrus vel Paulus aut alter quicunque sanctorum? Numquid non fuerunt homines, sicut et nos, et salvati sunt per solius dei auxilium et eius invocationem sine sanctorum invocatione vel intercessione». *Vavřinec z Brzezové. Kronika husitská*, 412.

¹⁷ «Nynie... na všecky vyplýt jest hněv Páně, totiž na kněžie, na mistry, na sedláky, měšťany». *Jakoubek ze Stříbra. Výklad na Zjevení sv. Jana*, 11.

¹⁸ «Nebo anděl dobrý hněv boží vylévá ku polepšení; ale lidé cítí jinou ránu, od zlého anděla, který na duši ráňuje, nebo repčí proti Bohu a svým bližním». *Ibid.*, 13.

проповедь в 1421 г., однозначно отождествил бы раненных гневом Божиим с традиционными католиками, терпящими одно поражение за другим – в то время, как сами пражане определяли себя в качестве «тех, кто льнет к Божьему закону», т.е. находится под его защитой (ст.-чеш. *k zákonu božiemu... přichylní* /ср.-в.-нем. *die sich czü der ordenu(n)g gotes neýgen*)¹⁹. Важно, что Вторая Пражская статья допускала к Причастию лишь тех, кто не запятнал себя смертным грехом (в том числе танцами, игрой в кости, пьянством): тем самым, гуситы виделись себе праведниками, а не грешниками. Более того, у Якоубека видно, что его паства желала уподобить себя тем белым коням, на которых скакут ангелы Господни, искореняющие зло во время конца света²⁰. Складывается впечатление, что, говоря о гневе Божьем, Якоубек будто бы обращался не к пражанам, но к их врагам – традиционным католикам, «нежелающим верить правде (т.е. не принимающим утраквизм. – Н.Н.)»: именно они, погрязшие в грехах, ощущают на себе рану, нанесенную злым ангелом, но сам гнев Божий – это благо, которое должно их исправить.

Англичанин Питер Пэйн, который в 1429 г. возглавлял тaborитов в Пожони на переговорах с королем Сигизмундом, пообещав, что Бог устами его «убьет тысячу мужей и переменит гневы их в милосердия», – прочел перед Сигизмундом речь, показавшую во всей торжественности, как тaborиты воспринимали себя и свой долг: «Для выправления вселенской тяжбы да уступит мне Господь меч храбрейшего из мужей – Гедеона, которым Он низверг Мадианитян и освободил Израиль – да даст Он мне этот меч, чтобы я жестоко не отсек здесь ухо какого-либо Малха, чтобы Бог не оскорбился и не уличил ударяющего в невежестве, чтобы я был, словно второй Аод – **владеющий обеими руками, словно правой, целый в праведности, с обоих боков и сторон**»²¹. Малх – раб первосвященника, пришедший арестовать Иисуса Христа: апостол Петр отсек ему ухо, но Христос запретил кровопролитие и исцелил раба (Ин. 18; Лк. 22). Аод – один из первых судей Израилевых, которого Бог воздвиг, чтобы спасти евреев от Еглона, царя Моавитского. Добившись аудиенции, Аод сказал Еглону: «У меня есть для тебя слово Божье», – и вонзил меч в него (Суд. 3). Судья Гедеон разгромил мадианитян, напав на них с кличем «Меч Господа и Гедеона!» (Суд. 7). Сопоставление этих библейских сюжетов, упомянутых Питером, показывает, что этот тaborит отрицает любое насилие, кроме того, которое авторизовано Богом и вершится Его воинствующим праведником – причем не только оружием (Аод выковал обоюдоострый меч), но и словом, как это делал сам Питер в 1429 г. В выделенных словах латинского текста имеет место скрытая перекличка подразумеваемых старочешских слов *«pravý»* (не только «правый», лат. *dexter* в противоположность «левому», но и «прямой», «правильный», «справедливый», «правдивый», «истинный») и *«pravedlnost»* («праведность, справедливость», лат. *rectitudo*). Такой подход точь в точь повторяет дух «Воинского устава» Яна Жижки (1423 г.), согласно которому тaborит должен быть наказан за избиение, искалечение и убийство в соответствии с Божиим законом – в том случае, если совершенное насилие не было санкционировано

¹⁹ Цитаты из грамоты Чаславского сейма от 7 июня 1421 г. и из манифеста, изданного 5 ноября 1420 г. после битвы под Вышеградом: Archiv český, 227; Нюрнберг. Государственный архив.

²⁰ Jakoubek ze Stříbra, 229.

²¹ «Ad quam resarcendam concedat mihi dominus gladium fortissimi Gedeonis, quo subvertit contra Madian et Israel liberavit Jud 7 (7), det quoque, ut non percuciam crudeliter aurem hic alicuius Malchi indignante deo et redargente impericiam ferientis, sed ut sim alter Aioth, **ambidexter totus in rectitudine, latere et parte ex utraque**. Bartoš F. Z bratislavské schůzky, 171–195 (s. 180).

Таборской общиной, которая ведет «Божий бой»²². Пражские гуситы кичились своими победами и притязали на исключительный статус как в политической иерархии королевства (ср. образ Праги как «первbornенной дочери» Чешской короны в сатирах Будышинской рукописи), так и в религиозной сфере, видя в себе белых коней Апокалипсиса. В свою очередь, тaborиты упирали на то, что победу в войне за Божий закон нужно сначала одержать в себе самих, а только потом искоренять зло в остальных людях (см. тaborитскую версию Четвертой Пражской статьи в «Воинском уставе» Яна Жижки). Так и Питер Пэн подчеркивал, что желает быть «целым в праведности, с обоих боков и сторон» – предполагаю, что речь идет как раз о равно строгом и справедливом отношении к обеим сторонам конфликта: именно такой смысл содержится в образе меча, который олицетворяет гнев Господень в устах тaborитского посла.

Гнев Божий как правообязанность убийства. Гуситы-хилиасти именовали наступающий конец света «временем отмщения», т.е. Господнего воздаяния за грехи. «Также что в это время отмщения всякий верный (т.е. верующий, «вас-сал Христа». – Н.Н.) проклят, кто сам удержит свой меч от телесного пролития крови врагов Христова Закона, но что каждый верный должен умыть руки свои в крови врагов Христа, поскольку блажен всякий, кто воздаст воздаяние несчастной дочери (дочери Вавилона: недосказанная цитата из Пс. 136:8. – Н.Н.), какое она нам воздавала», – гласит тезис, приписываемый Вавржинцем тaborитам. «Ересь и жестокость тираническая!», – гласит комментарий пражского хрониста²³. Понятие тирании имело в средневековой латыни особый смысл, выражая в том числе присвоение чужих полномочий²⁴. Пражане утверждали, что наказание за грехи должно совершаться «теми, кто имеет должность» (ст.-чеш. *jenž úřad k tomu mají*)²⁵. В свою очередь, тaborиты давали два ответа на этот вопрос: одни вслед за «Воинским уставом» Яна Жижки рассматривали саму Таборскую общину и каждого тaborита в качестве носителя правообязанности убийства в ходе «Божьей тяжбы» (ст.-чеш. *pře boží*), другие – вслед за Хельчицким – отрицали право на убийство как таковое.

Оба тaborитских подхода были едины в отрицании монополии на насилие, в то время как в признании необходимости закрепления карательных полномочий за некой судебной инстанцией пражские гуситы приближались к традиционным католикам, которые никогда и не переставали рассматривать самого монарха в подобном качестве. Неслучайно, что первое из собственных условий принятия Сигизмунда – «оговорок» (ст.-чеш. *ohrady*), постановленных на святовалентинском сейме 1435 г. – города во главе с Прагой сформулировали следующим образом: «Во-первых, чтобы Императорская милость (т.е. Сигизмунд. – Н.Н.), если хочет быть нашим господином, то – когда мы будем решать в деле Божьей правды – пусть пресекает смертельные грехи, не допускает танцев, игр, проституток и иных никчемностей»²⁶. Пражанам было легко принять короля в качестве той инстанции, за которой будет закреплена эта

²² Macek, 152–153.

²³ «Item quod in hoc tempore ulcionis quilibet fidelis est maledictus, qui gladium suum prohibet a sanguine adversariorum legis Christi in propria persona corporaliter fundendo, sed quod debet quilibet fidelis manus suas lavare in sanguine inimicorum Christi pro eo, quod beatus est omnis, qui misere filie retribuet retributionem, sicut ipsa retribuit nobis. *Est heresis et crudelitas tyrrannica.*». Vavřinec z Březové. Kronika, 454.

²⁴ См. толкование Д. Тршештиком употребления этого термина в Фульдских анналах и в «Легенде» Кристиана [Třeštík 2001].

²⁵ Цитаты из вариантов Пражских статей 1420 г.: Archiv český. D. 3. S. 215.

²⁶ «Najprwé, aby Ciesařowa Milost, chceli naším pámem býti, když najprw o prawdy božie miesto budem mieti, hřiechy smrtedlné stawoval, tancuow, her, newěstek i jiných marností nedopuštěl». Archiv český. D. 3. S. 420.

правообязанность. Нелегко было таборитам и сиротам, чьи представители заявили послам Базельского собора в 1433 г.: «Бог возбуждает сердца частных персон для поражения и покарания грехов»²⁷. Епископ таборитов Микулаш из Пелгржимова утверждал в дискуссии с парижским магистром Жилем Шарли, что подданные должны сопротивляться прегрещающим правителям, чтобы не стать причастными к их грехам – так, как ослица сопротивлялась пророку Вааламу²⁸. Пражский магистр Якоубек из Стршибра обосновал свой отказ от осуждения убийств, чинимых гуситами, такими словами: «Не могу по совести так поступить по отношению к ним в вопросе тех убийств, поскольку иначе было бы опозорено рыцарское сословие»²⁹. В противоположность этой мирской и схоластической логике, монополизирующей право на войну за благородным сословием, табориты черпали аргументы лишь в Библии, редуцируя священный текст там, где он противоречил их милитаризму. Так, они утверждали: «Также, что Христу уже в нынешнее время отмщения в Его кротости, мягкости и сострадании по отношению ко врагам Закона Христа не должно подражать и следовать, но только в ревновании, ужасе, жестокости и справедливом возмездии»³⁰. Этот тезис настраивал на иное, воинственное прочтение Евангелия – с вынесением за скобки Христова заступничества за прелюбодейку (Ин. 8: «Иди, и впредь не греши») и с фокусом на тех словах Христа, где говорится о воздаянии, в том числе и в этой жизни (Мф. 10, 24: «Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч»; Мф. 12, 30–32: «Кто не со Мною, тот против Меня...; если кто скажет слово на сына человеческого, простится ему, если же кто скажет на Духа Святого, не простится ему **ни в сем веке**, ни в будущем»). Традиционные католики отвергли утраквизм, который воспринимался гуситами в качестве священной истины – «Божьего слова». Неудивительно, что таборитам – той части гуситов, которой более остальных был свойственен радикальный фундаментализм – не только действия традиционных католиков, но и само их существование представлялись святотатством – тем грехом, который всегда карался предельно сурово: даже умеренный гусит, пражанин Вавржинец оправдал расправу утраквистов над властями Нового Пражского города 30 июля 1419 г., выставляя в качестве причины то, что убитый бургомистр и его советники «глумились над процессией, шествовавшей вместе со Святыми Дарами»³¹.

Сопоставление с возвзрениями Эберхарда Виндеке. Далеко ли ушли гуситы в восприятии гнева Божьего от своих противников – традиционных католиков? Считаю важным подчеркнуть, что речь не идет о католицизме в его идеальном виде (о том, во что католики должны были верить), но о представлениях конкретных людей XV в. Приведу лишь один пример из многих. После смерти Сигизмунда в 1437 г. его слуга, майнцкий бюргер Эберхард Виндеке написал труд («Книгу императора Сигизмунда»), в котором постарался не только увековечить деяния своего искренне любимого господина, но и осмыслить потрясения своего времени. В его распоряжении находился обширный массив документов (в том числе – гуситского происхождения) от неких «могущественных

²⁷ «deus excitat corda privatarum personarum ad correpcionem et punctionem peccatorum». Ibid., 407.

²⁸ *Orationes, quibus Nicolaus de Pelhřimov,* 15.

²⁹ «Iat gím nemohu swědomie czíniť z těch zabítí, nebo staw rytierzsky bylby potupen». Černý, 384–404 (здесь с. 394).

³⁰ «Item quod iam in presenti tempore ultionis Christus in sua mititate, mansuetudine et miseracione adversariis legis Christi exhibenda non est imitandus et sequendus, sed solum in zelo, furore, crudelitate et iusta retribucione». *Vavřinec z Březové, Kronika,* 454.

³¹ «pro eo, quod processioni... cum sacramento venerabili eukaristie insultaverunt». Ibid., 345.

князей и господ» — заказчиков труда, равно как и собственный опыт. Значительную часть жизни Виндеке сопутствовал королю (в том числе во время первого крестового похода против гуситов, который состоялся в 1420 г.), а потому видел гуситский конфликт воочию.

Вот что написал Эберхард: «Подобные чудные и горестные вещи происходят ныне, как я понимаю, не от чего иного, кроме как несправедливости; духовенство и миряне столь погрязли в ней, что меня бы не удивило, если бы Господь так разгневался, что весь мир утонул бы. Ведь если кто-либо не может учинить зло, тогда он находит пособников, чтобы осуществить свое злодейство, а среди пятидесяти человек нет ни одного, который был бы совершенно справедливым — таким, какой был Богом устроен. Вероятно, Бог **не пожелал больше это терпеть** и стало ему достаточно плодов ото всех: вина, пшеницы и фруктов»³². Эта сентенция завершает главу, в которой говорится: 1) о файде (вражде) герцога Барского и графа Водемонтского, которая произошла — как подчеркнул Виндеке — «во время похода на Чехию» (четвертый крестовый поход, разгромленный под Домажлицами 14 августа 1431 г.) и в которой «герцог Барский потерял много хороших людей, лучшую знать»; 2) о войне короля Дании Эрика Померанского (двоюродного брата Сигизмунда, как отметил Виндеке) с ганзейскими городами, в ходе которой его союзники были разбиты, потеряв «четыре тысячи или больше». Эберхарда явно тяготило, что вассалы его господина сражаются друг с другом, в то время как гуситы становятся все сильнее. О «лучшей знати» герцога Гейдельбергского, павшей в сражении за герцога Барского, Виндеке говорил следующим образом: «Если бы он (герцог Гейдельбергский. — Н.Н.) послал ее против гуситов, то могло бы сложиться так, что большее число добрых людей удержало бы Чешскую землю и не пришлось бы оттуда уходить с позором»³³. Между тем, критика нравов, которую Виндеке выразил в конце главы, созвучна его знаниям и представлениям о том, чему учили Ян Гус и гуситы. Концепцию ликвидации церковных бенефициев (Третью Пражскую статью 1420 г.) Эберхард в конце «Книги» вообще дерзнул одобрить: «Бенефиции наносили наибольший ущерб и вызывали большинство войн во всех немецких землях; потому я, наконец, согласился с гуситами, которые считали, что мир наступит, если священникам ничего не давать и забрать у них то, что они имеют»³⁴.

Вернемся к сентенции Виндеке. Выделенное выражение *«das enwolt... liden»* («не пожелал это... терпеть») не могло быть составлено носителем средневерхненемецкого языка, поскольку глагол *«liden»* не является переходным; тем не менее, в переводе старочешской петии 1419 г. глагол «терпеть что-либо / кого-либо» (ст.-чеш. *trpěti*) переводчики-чехи дважды передали именно как *«liden»* [Наумов 2023, 308–309]. Напрашивается предположение, что здесь Виндеке воспроизвел изречение из какого-нибудь трактата, составленного

³² «Solich wonder und jomer machet nit anders zu der zit, als mich verstunde dann das unrecht; es was so groß under geistlichen und weltlichen, daz mich nit wunder hette gehupt, das got so zornig were gewesen, daz alle die welt wer versunken, wann esenkunde niemans do so übel gethün, er fünde zuleger umb sin bößheit durchzubringen und under fünfzig nit einen ganzen gerechten menschen, also von got geordnet ist. **das enwolt villicht got nit me liden**, und wart doch aller früchte genüg win korn und obst». Eberhard Windecke, Denkwürdigkeiten zur Geschichte, 324.

³³ «hett er sie gesant und geluhen uf die Hussen, es möcht sin gescheen, also vil güter lüt hetten das lant Behem behalten und man möchte nit also schemlich von dannan sin gescheiden». Ibid., 320.

³⁴ «die almüsen doten den grössten schaden und machten den grössten krieg in allen Dútschen landen; darumb gap ich den Hussen am ende recht, die meinten, das wanne man in nüt gebe und och neme und sie hielte also pfaffen, so möcht man friden gemachen». Ibid., 380.

по-немецки носителями старочешского языка (гуситами). При ведении войны гуситы опирались на библейские тексты, видя в своих противниках врагов Божьих и реализуя на практике жестокие нормы из Второзакония, а также грозные предсказания ветхозаветных пророков и Иоанна Крестителя (см. [Надумов 2024, 8–13]). Возможно, что такой гуситский фундаментализм проявился и в этой сентенции: уподобление человеческих грехов – вину, грешников, заслуживающих испытания – зерну, которое молотят, бессмысленной роскоши – плодам смоквы, «которую, как скоро кто увидит, тотчас берет в руку и проглатывает ее» (Ис. 28:4), могло быть почерпнуто в 28-й главе Книги пророка Исаии, где Ефремлянам предвещается гибель в том числе и от наводнения (ср. кару в виде Божьего потопа, о которой сказано у Виндеке). Тем не менее: даже если Эберхард в данном случае заимствовал топос гнева Господня у гуситов, он задействовал его для объяснения того явления, которое тяготило его самого и остальных традиционных католиков, а именно – разногласий и войн в Империи. Кроме того, топос гнева Господня был воспроизведен Эберхардом еще один раз. После захвата Иерусалима в 1187 г. святая Хильдегарда Бингенская изрекла молитву и пророчество, которые Виндеке воспроизвел: «Господь Бог мой, не гневайся вечно на Твой народ, но смилийся над ними, ведь Ты спас их Твоей Кровью, и почет святыму имени Твоему. Не дай неверному народу Твое святое имя»³⁵. После этой молитвы, по словам Хильдегарды, у нее было видение: перед ней предстал достойный человек в епископской мантии и сказал: «Не бойся и не плачь от удара, который нанесли неверные, поскольку это произошло от их греха и от праведного суда Божьего. Но перестань: не плачь и отмень много злых вещей и огорчений, которые сейчас есть и станут еще с христианством: неправедные и язычники в соответствии со справедливым Божиим судом будут сопротивляться и вершить великую месть против христианства. Церкви, которые по ту сторону моря остались, будут уничтожены и трупы христиан они бросят на съедение диким зверям и из церквей они устроят **публичные дома и места для скота**»³⁶. О чем мог думать Виндеке, когда помещал это пророчество в свой труд? Несомненно, что он думал о противостоянии христиан (традиционных католиков) с «еретиками» (гуситами). Эберхарду были известны расправы, которые чинили гуситы. В частности, вот так он написал о взятии Немецкого брода в январе 1422 г.: «Чешские еретики направились к Немецкому Броду, захватили и сожгли город, и насмерть забили мужчин, детей, женщин, как молодых, так и старых, и причинили много боли и страданий **немецкому христианскому народу**, так что было бы неудивительно, если бы тот отчаялся в Боге и больше не верил ни слову из уст чеха или морава»³⁷. Знал Виндеке и о разврате, которому предавалась еще одна гуситская secta (адамиты), хотя в отличие от венгерского хрониста Яноша Тураци

³⁵ «‘herre min got, biß nit zornig eweclichen über din volg, bisunder erbarm dich über sie, wann du sú erlöset hast mit dinem plüt, und die ere dins heiligen namen; gip nit dem ungelöibigen volg dinen herlichen nomen’». Ibid., 357.

³⁶ «‘envorcht dich nit und weine furbaß ouch nit mer von des slages wegen, der do gescheen ist von den ungleibigen, wanne daz ist gescheen von irer sünde wegen und von dem gerechten gericht wegen gotes, sunder höre uf; nit wein und merk vil böser dinge und trübsal, die do künftig sint und werdent der cristenheit: die ungerechten und die heiden von dem gerechten gericht gotz werden widerstreben und groß rach tun wider die cristenheit, und die kirchen werden sie machen zu vrouwenhäuser und stelle des viehes’». Ibid.

³⁷ «do zugen die Behemschen ketzer noch zu dem Dutschen Brot und gewonnen die stat und brantent die und slügen doinne zu tode manne kinder wiber jung und alt und stalten also grosses jomer und leit do an dem Dutschen cristlichen volg, das nit wonder were, das daz volg an got verzaget were und das man keinen Behemschen noch Merherschen zungen niemer hoult were». Ibid. S. 120.

Виндеке умолчал о том, что это происходило во время богослужений; тем самым, у части гуситов церковь действительно превращалась в публичный дом. Мог Виндеке знать и о том, что пражане и тaborиты, захватив Хомутов в марте 1421 г., устроили хлев для скота в тамошнем храме св. Екатерины, продолжив при этом богослужебную практику, что засвидетельствовал Иоганн Леонис, житель города Мост (в 15 км от Хомутова) [Наумов 2024, 12]. Тем самым, Виндеке усмотрел гнев Господень в том благоволении, которое Бог оказывал гуситам – неправедным еретикам, громившим войска христиан и истреблявшим их за накопленные грехи.

Подведем итоги. Гуситы 1420-х годов милитаризировали и политизировали христианскую категорию «гнева Божьего», ассоциируя ее с военными поражениями и используя для политических целей. Пражане и тaborиты публично представляли гнев Господень как благо: 1) пражанин Якоубек из Стршибра верил, что рана от пролития чаши гнева ощущается человеком лишь в том случае, если его душа повреждена злым ангелом и приведена им в греческое состояние; 2) тaborит Питер Пэйн уподобил гнев Божий мечу, рассматривая его как равно строгое и справедливое отношение к обеим сторонам конфликта. Восприятие гнева Божьего в качестве правообязанности убийства было характерно лишь для части гуситов: для тех тaborитов, кто верил в наступление конца света («времени отмщения») и вслед за «Воинским уставом» Яна Жижки рассматривал Таборскую общину в качестве носителя этой правообязанности. Выявленные особенности восприятия гнева Божьего гуситами 1420-х годов оказались присущи и их противнику – традиционному католику Эберхарду Виндеке: 1) «гнев Господень» (ср.-в.-нем. *gottes zorn*) фигурировал в его труде лишь дважды, однако в обоих случаях о нем говорилось в военном контексте: либо о грядущей каре Божьей за междуусобицы в Империи, либо же – об истреблении христиан неверными; 2) Виндеке вписал аргумент Божьего гнева в свою критику светского и духовного сословия, тем самым политизируя это теологическое понятие; 3) гнев Божий Виндеке мог воспринимать как благо – в том случае, если считал истинным пророчество Хильдегарды Бингенской, которое вставил в свой труд; 4) согласно тому пророчеству, именно гнев Бога на христиан даст право неверным и неправедным притеснять и убивать их: это воззрение Виндеке вполне мог разделять, поскольку видел в победах гуситских «еретиков» свидетельство того, что католики прогневили Бога своими грехами. Тем самым, впервые нащупываются сходства между идеологией гуситов и мировоззрением их военно-политического противника – традиционного католика из Немецких земель, искренне преданного своему королю, а потому осуждающего гуситов как за ересь, так и за бунт.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Нюрнберг. Государственный архив. Staatsarchiv Nürnberg. Ansbacher Kriegsakten. Karton I. № 6. Archiv český, čili staré pisemné památky české a moravské / wydal F. Palacký. Praha, 1844. D. 3. 628 s.
Bartoš F. Z bratislavské schůzky krále Zikmunda s husitskými vůdcí r. 1429 // Časopis Matice Moravské. R. 49. 1925. S. 171–195.
Černý K. Rozpravy Chelčického v rkp. Pařížském // Listy filologické. R. 25. 1898. S. 384–404.
Eberhard Windecke. Denkwürdigkeiten zur Geschichte des Zeitalters Kaiser Sigmunds / hrsg. W. Alt-mann. Berlin, R. Gaertners Verlagsbuchhandlung, 1893. XLVIII, 591 s.
Jakoubek ze Stříbra. Výklad na Zjevenie sv. Jana. Praha, nákladem Komise pro vydávání pramenů českého hnutí naboženského ve stol. XIV a XV., 1933. D. 2.
Jan Hus. Sebrané spisy české / vyd. K.J. Erben. Praha, 1865. D. 1. 478 s.
Macek J. Ktož jsú boží bojovníci. Praha, Melantrich, 1951. 354 s.
Matěj z Janova. Výbor z Pravidel Starého a Nového Zákona. Praha, Blahoslav, 1954. 318 s.

- Orationes, quibus Nicolaus de Pelhřimov, Taboritarum episcopus et Ulricus de Znojmo, orphanorum sacerdos, articulos de peccatis puniendis et de libertate verbi Dei in concilio Basiliensi anno 1433 ineunte defenderunt / ed. F.M. Bartoš. Tábor: apud societatem Jihočeská společnost, 1935. 174 p.
- Petr Chelčický. Síť víry / vyd. E. Smetánka. Praha, Melantrich, 1949. XI, 447 s.
- Tomáš Štítný. Knížky šestery o obecných věcech křesťanských / vyd. K. J. Erben. Praha, tisk K. Jeřábkové, 1852. XXXVI, 344 s.
- Vavřinec z Březové. Kronika husitská // Prameny dějin českých = Fontes rerum bohemiarum. Praha, nákladem nádání Františka Palackého, 1893. D. 5 / vyd. J. Goll. S. 327–534.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Лаптева Л.П. История южных и западных славян в освещении русской историографии. Спб., Але-
тея, 2014. 528 с.
- Мельников Г.П. Культура гуситской Чехии (первая половина XV в.) // История культур славянских
народов. М., ГАСК, 2003. Т. 1 / под ред. Г.П. Мельникова. С. 331–345.
- Наумов Н.Н. Королевская власть и аристократия в правление Сигизмунда Люксембургского. М.,
Нестор-история, 2023. 544 с.
- Наумов Н.Н. Религиозный фундаментализм и ветхозаветная топика при осаде Хомутова в 1421 г. //
Славяноведение. 2024. № 2. С. 5–15.
- Brock P. Pacifism in Europe to 1914. Princeton, Princeton University Press, 1972. 568 pp.
- Čornej P. Husitská kultura nebo kultura doby husitské? Úvaha k diskusi // Čornej P. Světla a stíny husitství.
Praha, NLN, 2011. S. 201–212.
- Čornej P. Jan Žižka: život a doba husitského válečníka. Praha, Paseka, 2019. 855 s.
- Fudge Th. Heresy and Hussites in Late Medieval Europe. New York, Routledge, 2019. 440 pp.
- Fudge Th. The kidnapped bishop. Coerced Ordinations on the late medieval Bohemian province. London,
Lexington, 2023. 276 p.
- Glossarium mediae et infimae latinitatis conditum a Carolo du Fresne domino du Cange / digessit G.A.L.
Henschel. Niort, L. Favre, 1885. T. 5. 629 p.
- Kaminsky H. A History of the Hussite Revolution. Berkeley and Los Angeles, University of California Press,
1967. 580 pp.
- Novotný V. Několik příspěvků k poznání osoby a doby Žižkovy // Sborník Žižkův / vyd. R. Urbánek. Praha,
Vědecký Ústav Vojenský, 1925. S. 82–133.
- Sedlák J. Táboršté traktaty eucharistické. Brno, Papežská knihtiskárna benediktinů rajhradských, 1918. 107 s.
- Seibt F. Die Hussitenzeit als Kulturepoche // Seibt F. Hussitenstudien. München, Oldenbourg, 1991.
S. 27–60.
- Šmahel F. Husitská revoluce. Praha, Univerzita Karlova, 1993. D. 3. 417 s.
- Třeštík D. Vznik Velké Moravy. Praha, LN, 2001. 394 s.

Рукопись поступила в редакцию 03.01.2024
Рукопись принята к печати 31.01.2024

REFERENCES

- Brock P. *Pacifism in Europe to 1914*. Princeton, Princeton University Press, 1972. 568 pp.
- Čornej P. *Světla a stíny husitství*. Prague, NLN Publ., 2011, 481 pp.
- Čornej P. *Jan Žižka: život a doba husitského válečníka*. Prague, Paseka Publ., 2019, 855 pp.
- Fudge Th. *Heresy and Hussites in Late Medieval Europe*. New York, Routledge, 2019, 440 pp.
- Fudge Th. *The kidnapped bishop. Coerced Ordinations on the late medieval Bohemian province*. London, Lexington Publ., 2023, 276 pp.
- Glossarium mediae et infimae latinitatis conditum a Carolo du Fresne domino du Cange / digessit G.A.L. Hen-
schel. Niort, L. Favre, 1885, t. 5. 629 p.
- Kaminsky H. *A History of the Hussite Revolution*. Berkeley and Los Angeles, University of California Press,
1967, 580 pp.
- Lapteva L.P. *Istoriia iuzhnykh i zapadnykh slavian v osveshchenii russkoi istoriografii*. St. Petersburg, Aleteiia
Publ., 2014, 528 pp. (In Russ.)
- Mel'nikov G.P. Kul'tura gusitskoi Chekhii (pervaya polovina XV v.). *Istoriia kul'tur slavianskikh narodov*.
Moscow, GASK Publ., 2003, vol. 1, ed. G.P. Mel'nikov, pp. 331–345 (In Russ.)
- Naumov N.N. *Korolevskaiia vlast' i aristokratiiia v pravlenije Sigizmunda Liuksemburgskogo*. Moscow, Nestor-
istoriia Publ., 2023, 544 pp. (In Russ.)

- Naumov N.N. Religioznyi fundamentalizm i vetskhozavetnaia topika pri osade Khomutova v 1421 g. *Slavya-novedenje*, 2024, no. 2, pp. 5–15 (In Russ).
- Novotný V. Několik příspěvků k poznání osoby a doby Žižkovy. *Sborník Žižkův*, ed. R. Urbánek. Prague, Vědecký Ústav Vojenský Publ., 1925, pp. 82–133.
- Sedláček J. *Táborské traktaty eucharistické*. Brno, Papežská knihtiskárna benediktinů rajhradských Publ., 1918, 107 pp.
- Seibt F. *Hussitenstudien*. München, Oldenbourg Publ., 1991, 271 pp.
- Smahel F. *Husitská revoluce*. Prague, Univerzita Karlova Publ., 1993, vol. 3, 417 pp.
- Třeštík D. *Vznič Velké Moravy*. Prague, LN Publ., 2001, 394 pp.

Received on 03.01.2024

Accepted on 31.01.2024

Информация об авторе:

Наумов Николай Николаевич
кандидат исторических наук,
старший преподаватель
МГУ им. М.В. Ломоносова
г. Москва, Российская федерация
ORCID: 0000-0001-6587-1681
E-mail: nn-naumov@mail.ru

Information about the author:

Naumov N. Nikolay
PhD (History), Senior Lecturer,
Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0001-6587-1681
E-mail: nn-naumov@mail.ru